

УИЛЬЯМ ЖЕРУ

КОРАБЛИ- ПРИЗРАКИ

ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ
АРКТИЧЕСКИХ КОНВОЕВ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Уильям Жеру

**Корабли-призраки. Подвиг
и трагедия арктических
конвоев Второй мировой**

«Альпина Диджитал»

2019

УДК 94(0)
ББК 63.3(0)62

Жеру У.

Корабли-призраки. Подвиг и трагедия арктических конвоев Второй мировой / У. Жеру — «Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-00-223102-7

В 1941 году в Архангельск прибыл первый арктический конвой, отправленный в СССР союзниками – Великобританией и США. Его судьба сложилась удачно, в отличие от другого конвоя – печально знаменитого PQ-17. Предыстории, злоключениям и последствиям плавания этого каравана посвящена книга Уильяма Жеру. 4 июля 1942 года, когда конвой PQ-17 получил приказ рассеяться, четыре корабля из его состава, отделившись от остальных, направились дальше на север, в опасные арктические льды. Нескончаемый полярный день не давал морякам передышки от налетов бомбардировщиков, по следам судов шли вражеские подводные лодки, а у норвежских берегов стоял, готовый выйти наперехват, грозный линкор «Тирпиц», самый большой боевой корабль кригсмарине – военно-морских сил Германии. Но, несмотря на все риски, остатки PQ-17 продолжали свой путь, чтобы доставить ценные грузы в Советский Союз... Торпеда не взорвалась. Она вынырнула из воды по другую сторону от судна, отошла от него метров на тридцать, а затем развернулась и устремилась обратно к левому борту «Трубадура», где находился Норт. Казалось, торпеда преследовала его по всему кораблю. Зенитные расчеты стреляли по ней из пулеметов, но все было тщетно. Моряки ругали торпеду по-испански и по-португальски: «Пошла прочь!» Прямо перед судном она внезапно остановилась и затонула. В этой истории есть все: необычное место действия, драматичные повороты, моральные дилеммы, героические поступки и политическая интрига на высшем уровне. Среди ее героев не только гражданские и военные моряки, но также Сталин, Черчилль, Рузвельт и другие высокопоставленные официальные лица. Чтобы рассказать о судьбе PQ-17, Уильям Жеру тщательно изучил тему конвоев Второй мировой, прочитал дневники, письма и воспоминания их участников, провел десятки интервью, побывал в России, Исландии и Норвегии, а также прошел арктическим маршрутом

по Норвежскому, Баренцеву и Белому морям. В результате ему удалось предельно точно, живо и ярко воссоздать события более чем 80-летней давности. Две шлюпки «Эмпайр Байрона» шесть дней дрейфовали в холодном тумане, пока моряков не подобрал британский корвет, отправленный из Архангельска на поиски выживших. К тому моменту, как их спасли, моряки в шлюпках, включая двух юнг, одному из которых было 15, а другому 16 лет, раз в шесть часов получали по 60 мл воды, две таблетки прессованного сухого солодового молока и немного печенья. Некоторые начали пить соленую воду, которая усиливала жажду и вызывала галлюцинации. Для кого Для тех, кто интересуется историей Второй мировой войны, историей флота, а также для всех, кто любит остросюжетное чтение.

УДК 94(0)

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-00-223102-7

© Жеру У., 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Пролог	10
Глава 1	12
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Уильям Жеру

Корабли-призраки. Подвиг и трагедия арктических конвоев Второй мировой

Переводчик *Заур Мамедьяров*

Научный редактор *Владимир Нагирняк*

Редакторы *Анна Матвеева, Наталья Нарциссова*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Шувалова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Барановская, Е. Рудницкая, С. Чупахина*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Арт-директор *Ю. Буга*

Дизайн обложки *Д. Изотов*

Фото на обложке *Legion-Media*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2019, by William Geroux

This edition is published by arrangement with Chase Literary Agency and The Van Lear Agency LLC.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

УИЛЬЯМ ЖЕРУ

*КОРАБЛИ-
ПРИЗРАКИ*

.....

**ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ
АРКТИЧЕСКИХ КОНВОЕВ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

Москва, 2023

*Посвящается
Кеме, Саре, Нику и Коди*

Смерть преградила путь в Россию, но вы прорвались.
ДЖОН МЕЙСФИЛД. ВСЕМ МОРЕХОДАМ

Пролог

Вращающаяся стрелка

Джим Норт не мог сказать наверняка, что происходит, но нутром чуял: судьба конвоя PQ-17 висит на волоске. Тридцать торговых судов расходились в разных направлениях по ледяным арктическим водам, нарушая плотный оборонительный строй, который сдерживал напор немецких бомбардировщиков и подводных лодок с того самого дня, как конвой покинул Исландию. Это произошло неделей ранее. А сейчас сигнальные огни кораблей непрерывно мигали, посылая сообщения. На мостике транспорта «Трубадур», где служил Норт, коротко переговаривались на родном языке два норвежца: капитан и старший помощник. Норт мало что понимал, но интонации говорили сами за себя. Многострадальный конвой PQ-17 столкнулся с новым испытанием на пути в русскую Арктику.

Был вечер 4 июля 1942 года, около половины десятого, хотя время для экипажей особого значения не имело, ведь в июле арктическое солнце никогда не заходит. Конвой находился менее чем в 1300 км от Северного полюса. Ранее в тот день американские суда, составлявшие ядро конвоя, отметили День независимости, подняв среди тумана новенькие звездно-полосатые флаги. Вскоре после этого союзнические военные корабли, защищавшие конвой, отбили атаку 23 немецких торпедоносцев. Три корабля были потоплены, но моряки не сомневались, что победа осталась за ними, и посчитали случившееся добрым знаком: они доберутся до СССР живыми! Еще не стихли поздравления, когда начались новые трудности.

Норт силился разобраться, о чем говорят норвежцы, но вдруг его оглушил гудок другого судна. К «Трубадуру» подошел небольшой британский корабль эскорта, и офицер прокричал в рупор немыслимое сообщение, которое уже передали всем судам сигнальными флагами. Конвою PQ-17 было приказано рассеяться. Могучие военные корабли, защищавшие его, устремились прочь. Предполагалось, что «Трубадур» и другие транспорты – безнадежно медленные, полные тротила и прочих взрывоопасных грузов – в одиночку и безо всякой защиты преодолеют несколько сотен километров по далекому Баренцеву морю и сумеют добраться до советских берегов.

Конвой был окружен подводными лодками, которые следовали за ним по пятам, пытаясь нащупать прорехи в его обороне. 24-часовой полярный день не давал передышки от атак немецких бомбардировщиков, которые уже вновь были на подлете. И, что хуже всего, конвою PQ-17 угрожал немецкий линкор «Тирпиц», самый опасный военный корабль в мире. Орудия «Тирпица» стреляли на 35 км – из-за линии горизонта. Он мог потопить судно вроде «Трубадура» прежде, чем его успели бы заметить. Матросы с некоторых союзнических кораблей называли «Тирпиц» «злым и страшным серым волком».

«Простите, что бросаем вас в такой ситуации, – крикнул командир уходящего британского эсминца одному из торговых судов. – Похоже, вам придется несладко. Удачи!»

Удача им была необходима – чтобы одолеть не только немцев, но и саму Арктику. Маршрут конвоя пролегал по кромке зоны дрейфующих льдов, окружающей Северный полюс. В воде плавало множество айсбергов и льдин с острыми как бритва краями. Хотя стояла середина лета, ледяной океан мог убить человека за считанные минуты, а температура воздуха часто опускалась ниже -17° . Облака и туман порой не рассеивались целыми днями, лишая штурманов возможности корректировать положение судов по солнцу. Из-за близости к Северному магнитному полюсу от судовых компасов не было никакого проку.

20-летний Джим Норт был самым юным и неопытным палубным матросом «Трубадура». Он никогда прежде не выходил в море, а о Советском Союзе знал лишь, что «это большая страна, которая тоже воюет с немцами». Когда конвой отбил атаку немецких торпедоносцев,

Норта охватил воинственный настрой и он почувствовал себя неуязвимым. Теперь же, наблюдая за тем, как конвой рассеивается, Джим, по его собственным словам, «испугался до чертиков».

* * *

В тысячах километров отсюда, в Вашингтоне, Лондоне и Москве, американский президент Франклин Рузвельт, британский премьер-министр Уинстон Черчилль и советский диктатор Иосиф Сталин проверяли на прочность свой шаткий союз против Адольфа Гитлера. СССР вел борьбу за выживание, сражаясь с нацистской Германией в войне, поражавшей средневековой жестокостью и уже унесшей миллионы жизней – гораздо больше, чем США и Великобритания, вместе взятые, потеряют за все годы Второй мировой. Пока союзники готовы были помогать Сталину, лишь отправляя за океан военные грузы для отступающей Красной армии. Неясно было, достаточно ли этого, чтобы удержать Сталина в Большой тройке, и все же Рузвельт и Черчилль упорно продолжали снаряжать конвои.

Обычно главы трех стран бывали слишком заняты, чтобы обращать внимание на отдельные походы. Но RQ-17 запомнился всем надолго.

На мостике «Трубадура» воцарилась было растерянность, однако норвежский капитан Георг Сальвесен быстро совладал с собой. У него был план. Сальвесен полагал, что неуклюжему «Трубадуру» не спастись в 1200-километровой гонке по открытому морю, ведь нацисты уже висели у него на хвосте. Капитан решил увести корабль на север, в полярное скопление дрейфующего льда, и переждать атаки немцев там. Он приказал Норту взять курс на северо-запад, во льды, в то время как большинство других судов пошли в противоположном направлении. Среди льдов «Трубадура» подстерегали опасности. Но капитан надеялся, что там рациональные немцы искать его не станут.

Норт выполнил приказ. «Трубадуру» пришлось маневрировать среди торосов у ледового барьера – низкой белоснежной стены, тянувшейся вдоль северного горизонта. Вблизи судна клубился холодный серый туман. Испуганный белый медведь убежал от «Трубадура» по торосу, возникшему в том месте, где две льдины с сокрушительной силой ударились друг о друга. Еще немного – и «Трубадур» превратится в корабль-призрак. На мостике повисло тяжелое молчание. «Так держать!» – крикнул капитан, надеясь подбодрить команду. Впрочем, его слова не успокоили Норта, который взглянул на компас, чтобы проверить курс корабля. Стрелка бесполезного прибора вращалась без остановки.

Глава 1

Враг моего врага

Экипажи судов из конвоя PQ-17 почти не заметили поразительной красоты Исландии. К середине мая 1942 года – за полтора месяца до того, как конвой отправился в русскую Арктику, – большинство моряков уже несколько недель провели на своих судах, уныло стоявших на якоре у исландского берега. Место называлось Хваль-фьорд, что в переводе с исландского значит «китовый фьорд»: долгое время в заливе велась добыча китов. Впрочем, некоторым морякам союзного флота Хваль-фьорд казался скорее проклятой землей из скандинавских мифов.

Энсин ВМС США Говард Каррауэй оторвал взгляд от холодных вод и увидел «по обе стороны высокие, голые, почти ступенчатые горы... которые возвышались, как огромные черные призраки». Выше всех был массивный хребет Ботнсулур, пики которого всегда скрывались в облаках. Незаходящее солнце из чистого упрямства время от времени пробивалось сквозь мглу.

Ледяной ветер неумолимо бушевал во фьорде, он то плакал, то ревел в такелаже кораблей. «Уже 24 часа ветер непрерывно дует с севера с невероятной скоростью, завывая то сильнее, то слабее, свирепый и холодный», – писал Каррауэй. Иногда шквал достигал такой силы, что выдергивал якоря из илистого дна и носил корабли по гавани. Январский шторм, во время которого порывы ветра достигали скорости 160 км/ч, столкнул американский тяжелый крейсер «Уичита» водоизмещением в 13 000 тонн с двумя другими судами, а затем выбросил на мель. Лишь изредка ветер стихал, внезапно уступая место тишине, и тогда за километр было слышно, как плюхаются на воду утки. В волнах между судами резвились и кувыркались тюлени. Но морякам уже претили беззаботные игры животных, а больше ничего беззаботного в Хваль-фьорде не было.

Корабли стояли в конце длинного глубокого фьорда к северу от Рейкьявика, столицы Исландии. Не считая нескольких разбросанных по берегам ферм и двух морских баз – американской и британской, Хваль-фьорд был местом пустынным. На базах хранились запасы топлива, здесь были оборудованы доки и поставлены ниссеновские бараки – готовые укрытия из гофрированного металла, – где продавали провиант и дешевое пиво. На стоянке сгрудились больше сотни судов под флагами целой дюжины союзных стран. Их в спешке собрали в Хваль-фьорде, чтобы отправить в СССР. Во флотилии имелись как новенькие суда типа «Либерти», только что сошедшие с американских верфей, так и ржавые посудины времен прошлой мировой войны. Каждое судно было укомплектовано командой гражданских добровольцев, а за его защиту отвечал военный оружейный расчет.

Переход длиной 3000 км от берегов США до портов Мурманска и Архангельска на Русском Севере моряки прозвали Мурманским маршрутом. Этот путь был серьезным испытанием, сопряженным со множеством опасностей. И дело было не только в немецких бомбардировщиках и подводных лодках, но и в суровом климате Арктики. Премьер-министр Уинстон Черчилль называл Мурманский маршрут «худшим в мире». Как правило, если у них был выбор, опытные моряки избегали его. У энсина Каррауэя выбора не было.

Как и многие оказавшиеся в Хваль-фьорде американцы, Каррауэй еще не видел войны. Он в шутку называл себя «великим американским трусом», хотя, когда дошло до дела, проявил совсем иные качества. Голубоглазый и русоволосый, ростом 175 см, Каррауэй говорил с протяжным южнокаролинским акцентом, немного в нос. Он вырос на маленькой ферме в местечке Оланта неподалеку от города Флоренс в Южной Каролине. Родители будущего энсина едва сводили концы с концами, выращивая табак и хлопок. Денег было так мало, что Каррауэй,

у которого было шесть братьев и сестер, два года жил у родственников, чтобы родителям не приходилось его кормить. Он терпеть не мог работу на ферме, но любил книги. С огромным усердием изучал английский язык и литературу в Университете Фурмана, который окончил весной 1941 года. Через несколько месяцев, когда Америка оказалась на пороге войны, Каррауэй вместе с тремя братьями решил пойти в армию добровольцем, не дожидаясь призыва. Каждый из братьев выбрал свой род войск. Возможно, они даже тянули жребий, потому что Каррауэй, мореходный опыт которого ограничивался парой лодочных прогулок по пруду на ферме, оказался в резерве ВМС США.

Его приписали к Службе вооружений морского транспорта – флотскому подразделению, сформированному для обслуживания орудий, установленных на торговых судах для защиты от вражеских подводных лодок и самолетов. Хотя Каррауэй, вероятно, этого не знал, моряки считали, что служить там нежелательно – слишком опасно. Какими бы опытными ни были команды этой Службы, орудия на транспортах и танкерах плохо защищали от подводных лодок, которые часто наносили удар внезапно. Торговые суда были главными мишенями субмарин, перед которыми стояла задача прервать союзнические поставки. Официальным девизом флотской Службы вооружений морского транспорта стала фраза «Наша цель – доставить в целости!», а неофициальным – «Вижу лодку, буль-буль».

Но если Каррауэй и расстроился, попав в Службу, то никак этого не проявлял – по крайней мере, до назначения на «Трубадур».

Последний наглядно свидетельствовал о том, что в начале войны Америка испытывала острую нехватку грузовых судов. Старый 126-метровый транспорт с сомнительным прошлым ходил на угле и вмещал в свои шесть трюмов 6000 тонн груза. Построенный в Англии в 1920 году, за следующие 20 лет он успел трижды сменить название и владельца. В конце концов итальянская компания назвала его «Конфиденца» и стала использовать для перевозки металлолома. В 1940 году, когда Италия вслед за Германией объявила войну Великобритании и Франции, корабль находился на стоянке в Джексонвилле (штат Флорида). Несмотря на то что Америка еще сохраняла нейтралитет, власти задержали судно в порту, чтобы оно не попало в распоряжение Италии или Германии. «Конфиденца» почти год ржавела на причале, пока итальянская команда не получила кодированное сообщение, согласно которому судно нужно было вывести из строя, чтобы оно не досталось союзникам. Итальянцы запустили котлы всухую – нагревая их без воды, чтобы расплавить и покорежить турбины и трубопроводы, но береговая охрана США заметила, что происходит, и конфисковала судно. Ущерб оказался серьезным, и все же покалеченную «Конфиденцу» передали Управлению военных поставок – федеральному агентству, отвечавшему за морские перевозки военных грузов. Котлы отремонтировали, на судно установили орудия. Управление решило эксплуатировать пароход под флагом Панамы, а не США, чтобы избежать строгих проверок береговой охраны и получить возможность нанимать иностранных моряков за более низкую плату¹.

В результате на «Трубадуре» сформировалась многоязычная команда. 34-летний капитан Георг Сальвесен и остальные офицеры парохода были норвежцами. Когда в 1940 году нацисты оккупировали Норвегию, все они находились в плавании на других судах и были вынуждены с тех пор жить в море либо искать временного пристанища на территории союзных или нейтральных государств. Оторванные от родины, норвежцы были сильно озлоблены. Третий помощник Сигурд Ольсен не мог без дрожи в голосе говорить о своей жене и детях, которые остались в оккупированном немцами порту Берген. Ольсен тосковал по семье, а еще по фьордам, переливам северного сияния... Он поклялся отомстить немцам. Ради этого Оль-

¹ Такие «удобные флаги» до сих пор широко используются судовладельцами, желающими обойти требования береговой охраны и избежать уплаты налогов, выполнения различных юридических формальностей и необходимости назначать американским морякам заработную плату по профсоюзным ставкам. – *Прим. авт.* (здесь и далее, если не указано иное).

сен готов был даже дожидаться окончания войны. Он сказал Каррауэю, что, когда немецкие туристы вернутся на мощные улицы Бергена, третий помощник заставит их дорого заплатить за годы, которые ему пришлось провести в морском изгнании.

В команду «Трубадура» входили 46 моряков торгового флота – гражданских лиц, нанявшихся на судно исключительно для этого плавания в Советский Союз. Они были уроженцами 17 стран, в том числе США, Англии, Норвегии, Южной Африки, Уругвая, Латвии, Эстонии, Гондураса, Голландии, Швеции, Польши, Португалии, Испании, Бельгии и Каймановых островов. Некоторые были завербованы в миграционных лагерях США, где им дали выбор: либо работа на «Трубадуре», либо депортация. Соответственно, и по уровню подготовки, и по степени приверженности делу союзников они очень различались.

Одним из американцев на «Трубадуре» был 20-летний Джеймс Бейкер Норт III из округа Бакс в штате Пенсильвания. Норт бросил школу вскоре после нападения японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Взбешенный этой атакой, он опасался лишь одного – что не успеет сразиться на войне. Норт был 178 см ростом, весил 57 кг и, как он сам о себе говорил, имел «слабое горло, но громкий голос». Он мечтал стать летчиком, однако из-за хронического тонзиллита его не взяли ни на флот, ни в ВВС. Друг подсказал Норту, что в торговом флоте США на его миндалины и не взглянут, зато он получит возможность заработать «легкие деньги», служа своей стране. Как и Каррауэй, Норт ничего не знал о море. Он сочинил историю о том, как работал на судне для ловли креветок, и один из морских профсоюзов – тех, что нуждались в матросах не меньше, чем государство нуждалось в транспортах, – принял Норту, присвоив ему звание матроса второго класса, самое низшее в составе палубной команды. Посетив профсоюз в Филадельфии, Норт услышал, что на судно «Трубадур» набирается команда для плавания в Россию. Заплатить обещали 500 долларов. Норт никогда не слышал о Мурманском маршруте, а таких денег сроду в руках не держал. Разумеется, он поспешил в доки, чтобы записаться на «Трубадур».

Надежды на легкий заработок быстро растаяли. Не успел Норт взойти на борт, как один отморозок из команды схватил его и принялся из чистой подлости колотить головой о палубу. Другой здоровяк некоторое время наблюдал за стычкой, а затем врезал обидчику Норту. Завязалась драка, и противники обрушили друг на друга шквал ударов. После этого они пожали руки друг другу, а затем и Норту. Так Джеймс завел на «Трубадуре» первых «друзей». В плавании у него появились и другие приятели, но некоторых членов команды он к себе близко не подпускал. Особенно опасался двух рыжих братьев-верзил из Ливерпуля, которые работали на «Трубадуре» кочегарами. Похоже, братья слишком много смотрели на огонь, отчего у них повредилось зрение. При разговоре они вставали к собеседнику вплотную, и Норту становилось не по себе – ему всегда казалось, что кочегары собираются на него напасть.

Впрочем, явную неприязнь Норт испытывал лишь к Каррауэю и восьмерым другим парням из Службы вооружений морского транспорта. Он считал их самодовольными дураками. Каррауэй, в свою очередь, полагал, что Норт и остальные моряки торгового флота ленивы, ненадежны, а еще, весьма вероятно, не заслуживают доверия. «Они сплошь троцкисты и жуткие буяны», – писал Каррауэй. Когда на судне не закрыли клапан, из-за чего боеприпасы Службы залило морской водой, Каррауэй усмотрел в этом происки матросов. Норт счел обвинение абсурдом: какой моряк захочет обезоружить собственное судно перед опасным плаванием?

По пути в Хваль-фьорд «Трубадур» останавливался в Нью-Йорке и шотландском Глазго, чтобы взять на борт оружие, боеприпасы и грузы, предназначенные для СССР. Главная палуба судна была заставлена ящиками и грузовиками. Рядом также стояли три танка МЗ «Ли» – их привязали к рым-болтам стальными тросами, чтобы не смыло в море. Сначала на грузовой палубе находились еще сотни металлических бочек с этиленом, но в разгар шторма у берегов Новой Англии бочки раскатились по палубе, и капитан приказал сбросить их за борт,

предотвратив таким образом катастрофу. Однако даже без бочек палубы «Трубадур» были так заставлены, что матросам пришлось проложить над грузом деревянные мостки, дабы обеспечить артиллеристам быстрый доступ к орудиям.

«Трубадур» был оснащен четырьмя пулеметами системы Льюиса 30-го калибра, которыми, как подозревал Каррауэй, не хватит огневой мощи, чтобы нанести повреждение самолету или подводной лодке, и одной установленной на платформе в кормовой части корабля 4-дюймовой 50-калиберной пушкой со стволом длиной в телеграфный столб. Несмотря на внушительность, ствол четырехдюймовки невозможно было поднять выше чем на 45°, что серьезно ограничивало возможность использовать ее против самолетов. Боеприпасов не хватало. Каррауэй гадал, о чем вообще думали люди, вооружавшие «Трубадур». И все же ему повезло больше, чем другому судну из конвоя PQ-17, «Кристоферу Ньюпорту», среди орудий которого была старая пушка, долгое время стоявшая списанной в общественном парке Балтимора.

Каррауэй – в душе романтик, но не лишенный при этом насмешливости и цинизма, – чувствовал, что стремительно прощается с юношеским идеализмом. Его преображение отражено в дневнике, который он в нарушение инструкций вел во время плавания. Этот дневник – бесконечное любовное послание к Авис, миниатюрной зеленоглазой красавице, на которой Каррауэй женился прямо перед поступлением на корабль. В каждой записи он называет ее «ангелом» и рассказывает о событиях дня, чтобы можно было во всех подробностях поделиться с Авис пережитым, когда он вернется домой – если вообще вернется. Задолго до того, как «Трубадур» дошел до Хваль-фьорда, Каррауэй стал в своем дневнике называть пароход «грудой мусора» и «проклятым сортиром дальнего плавания». Когда же на «Трубадуре» поселился голубь, Каррауэй написал: «Должно быть, дома ему приходилось несладко, раз он решил искать приюта на этой посудине».

Тем не менее Каррауэй был решительно настроен преодолеть все препятствия и сделать так, чтобы «Трубадур» оставался на плаву до самой доставки груза. Он знал, что СССР отчаянно нуждается в помощи. И все же, как большинство американцев, Каррауэй вырос с убеждением, что СССР представляет собой ужасную угрозу свободному миру. Было несколько странно рисковать жизнью, чтобы помочь этому закрытому тоталитарному государству, во главе которого стоял бесчеловечный Иосиф Сталин. Энсин пришел бы в еще большее недоумение, знай он, какова история конвоя PQ-17 и какие политические маневры были предприняты ради него на высшем уровне.

* * *

На протяжении большей части американской истории отношения США с Россией были дружественными, если не близкими. Российская императрица Екатерина Великая первой из мировых лидеров признала США после Войны за независимость – хотя и пошла на этот шаг в основном ради ослабления Великобритании, соперничавшей с Россией в море. Во время Англо-американской войны 1812 года Россия порывалась выступить посредником в отношениях двух стран. Пока в США бушевала Гражданская война, Россия поддерживала Союз, в то время как Великобритания и Франция склонялись на сторону Конфедерации. По окончании конфликта Россия продала США Аляску за 7,2 млн долларов. Страны поддерживали стабильный уровень торговли, в основном через порт Архангельска на Белом море, вплоть до большевистского переворота 1917 года.

Большевики использовали недовольство русских солдат деморализующими поражениями от немцев в Первой мировой войне. Захватив власть, они быстро заключили с Германией мир, по которому уступили ей обширные территории и вывели российские войска из зоны боевых действий. Выход России из войны позволил немцам перебросить сотни тысяч солдат на Западный фронт и начать наступление на британцев и французов. В результате война затя-

нулась, потери возросли, и США также не смогли остаться в стороне. Когда в 1918 году бои наконец закончились, британцы по морю перебросили небольшой военный корпус в Архангельск, чтобы попытаться помешать большевикам удержать власть в России. Президент Вудро Вильсон усилил британские войска 5500 американскими пехотинцами, в основном новобранцами из Мичигана и Висконсина, которые ожидали, что будут защищать французскую территорию от немецких захватчиков. Но им выпало сражаться под британским командованием в Архангельске на необъявленной войне против небольших групп большевиков в глухих лесах и комариных болотах к югу от города. Американцы действовали, как пионеры на Диком Западе: строили бревенчатые форты и рассылали рейдерские отряды. Бои продолжались десять месяцев, при этом зима 1918–1919 годов выдалась настолько суровой, что кровь, текущая из зияющих ран, мгновенно замерзала, и порой это спасало жизни. Американцы покинули Архангельск в июне 1919 года, их потери составили 244 человека погибшими в боях и умершими от болезней. Они отважно сражались с зарождающейся Красной армией, но эта небольшая интервенция не смогла остановить большевиков, которые стали называть себя коммунистами. По сей день солдаты, воевавшие в Архангельске, остаются единственными американцами, которые встречались с русскими на поле боя.

Когда в начале 1919 года последние британские войска покинули Архангельск, ярые антикоммунисты Великобритании, возглавляемые Черчиллем, который тогда занимал пост военного министра, призвали к формированию крупного международного контингента, чтобы остановить большевиков. Однако Вильсон и другие лидеры победивших союзных государств, еще не подсчитавшие потери в войне, которая должна была «положить конец всем войнам», не готовы были ввязываться в новый конфликт в бескрайней России. Вильсон отказался посылать туда новые войска. Черчилль заявил, что государства Запада еще пожалеют о своем решении: «Настанет день, когда цивилизованный мир прозреет и поймет, что уничтожение большевизма в зародыше стало бы неопишным благом для человечества». Яростное неприятие коммунизма осложнит сотрудничество Черчилля со Сталиным и Рузвельтом во время Второй мировой войны и сыграет свою роль в истории конвоя PQ-17.

О непродолжительной интервенции союзников в Россию в 1918–1919 годах быстро забыли в США, но в самой России память о ней осталась и вызывала негодование многих поколений, отравляя советско-американские отношения в период холодной войны. В 1959 году советский генсек Никита Хрущев сказал на выступлении в Лос-Анджелесе: «Мы помним ужасные дни, когда американские солдаты пришли к нам под командованием своих генералов, чтобы... подавить молодую революцию. <...> Все капиталистические государства Европы и Америки ополчились против нашей страны, чтобы задушить молодую революцию. <...> Никогда ни один наш солдат не ступал на американскую землю, а ваши солдаты ходили по русской земле. Таковы факты».

После Первой мировой войны все западные демократии со стороны наблюдали, как коммунисты сосредоточивают в своих руках власть над страной. В 1924 году Владимира Ленина на посту главы СССР сменил Сталин. В последующие 28 лет он доказал, что Черчилль был прав в своих предостережениях.

Иосиф Сталин родился в деревне на территории Грузии, входившей в состав Российской империи. В детстве его часто бил пьяница-отец, сапожник. Юный Иосиф хорошо учился в школе, но был отчислен из семинарии, после чего примкнул к большевикам, для которых устраивал ограбления банков и некоторое время отсидел в тюрьме. Хотя Сталин не служил в армии, он носил одежду военного образца – буденовку, гимнастерку, высокие сапоги. Он всегда имел при себе револьвер, прошел боевую подготовку и взял себе псевдоним Сталин – от слова «сталь».

Управленческие таланты сделали Сталина незаменимым членом молодой Коммунистической партии. Он пользовался этим, чтобы продвигаться к власти, несмотря на явную склон-

ность к неоправданной жестокости, тревожившую даже фанатичного Льва Троцкого, которого в конце концов по приказу Сталина убили ударом ледоруба по голове. Имевшие дело со Сталиным часто заблуждались на его счет, видя в нем разумного человека, с которым можно работать. Многие из них заплатили за ошибку собственными жизнями, когда Сталин взялся за модернизацию СССР при помощи грубой силы и террора.

После Первой мировой Сталин полагал, что нужно превратить СССР из крестьянской страны в современную державу, ведь иначе враждебно настроенные соседи сумеют одолеть Союз в ходе следующей войны. История позволяет предположить, что в этом отношении он был прав, но его стратегия не учитывала ценности человеческих жизней. Сталин приказал миллионам крестьян отказаться от своей земли, чтобы в стране сформировалась огромная система коллективных хозяйств, снабжавших СССР продуктами. Крестьяне покидали свои дома, устраивались на новые заводы и осваивали новые отрасли. Несогласных расстреливали или отправляли в тюремные лагеря, сеть которых стремительно росла. Они получили известность как ГУЛАГ – по названию Главного управления исправительно-трудовых лагерей. Под руководством неопытных начальников коллективные хозяйства – колхозы – работали плохо, и возникала нехватка продовольствия. Сталин винил в этом воров, спекулянтов и других врагов государства. Он приказал Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) устраивать рейды по деревням и выявлять преступников. Тем временем нехватка продовольствия переросла в голод. К 1934 году ГУЛАГ распух от заключенных, среди которых были как политические противники Сталина и известные деятели культуры, так и законопослушные граждане, ложно осужденные по доносу друзей или родственников, сломавшихся под неимоверным давлением, которое оказывалось с целью назвать *хоть каких-то* виновных. Количество советских граждан, умерших от голода и болезней и убитых палачами НКВД, «фирменным почерком» которых было стрелять жертве в затылок, достигло гигантской цифры в 6–8 млн.

Ценой столь многих смертей и страданий Сталину удалось перестроить СССР. Голод закончился. Промышленное производство расцвело. Хорошо вооруженная Красная армия стала могучей силой. ГУЛАГ превратился в источник рабского труда для возведения плотин, строительства каналов и реализации других грандиозных проектов. Миллионы молодых крестьян, родители которых не могли и мечтать ни о чем подобном, получили образование и нашли себе место в промышленности и армии. Они знали лишь советскую систему и, если не сталкивались с НКВД, вполне могли считать свою страну прогрессивной.

Никто в СССР, однако, не был в полной безопасности. В 1936 году Сталин запустил серию чисток, которые, по его словам, были необходимы для борьбы с заговором против советской власти, назревавшим внутри системы. Сотрудники НКВД казнили или отправили за решетку более миллиона человек, от старых большевиков и товарищей Сталина до чиновников советского правительства и офицеров Вооруженных сил. От них пытками добивались ложных признаний, вслед за чем устраивались показательные суды, где беспомощные подсудимые сознавались в немыслимых преступлениях, которых не совершали, и оговаривали таких же невинных людей. Даже слепо преданные государству граждане жили в страхе, опасаясь услышать стук в дверь. Чистки получили название «Большой террор». Но еще больший террор надвигался на Запад.

Сталин быстро понял, какую угрозу нацизм представляет для СССР. Гитлер называл большевизм детищем евреев, которых он ненавидел, и заявлял, что Германия нуждается в *Lebensraum* – жизненном пространстве, где «высшая раса» нацистов сможет размножиться и процветать. Несомненно, он имел в виду советские территории. Сталин был намерен предотвратить войну с нацистской Германией или хотя бы отсрочить ее. При этом чистки Большого террора унесли жизни более чем 48 000 советских офицеров, что заметно сказалось на состоянии Красной армии и флота.

Первым делом Сталин рассмотрел возможность создания союза с Великобританией и Францией. В апреле 1939 года он предложил трем державам заключить соглашение о защите любого независимого государства, расположенного на территории от Балтийского до Средиземного моря. Однако лидеры британского и французского правительств не желали иметь дела со Сталиным. Две страны, над которыми нависла самая серьезная угроза, Польша и Румыния, отказались впустить советские войска на свою территорию даже в целях защиты от нацизма. Поляки и румыны «не знали, чего бояться больше – немецкой агрессии или русского спасения», – иронично отмечал Черчилль. Великобритания и Франция не дали однозначного ответа на предложение Сталина. В результате Сталин решил заключить пакт с Гитлером.

Он не думал, что соглашение с Германией помешает Гитлеру в конце концов напасть на СССР, но считал, что сможет выиграть время, чтобы Красная армия успела подготовиться к войне. Сталин полагал, что в период действия пакта Германия и западные демократии могут разорвать друг друга на части, что в итоге сделает СССР сильнее любой из этих стран.

Гитлер, в свою очередь, жаждал соглашения со Сталиным. Оккупировав в 1939 году Чехословакию, фюрер хотел начать вторжение в Польшу. Он понимал, что такой шаг может привести к войне с Великобританией и Францией, и был к ней готов. Однако, если бы СССР выступил на стороне его противников, немцам пришлось бы воевать на два фронта. В мае 1939 года Гитлер отправил к Сталину нескольких дипломатов, и вскоре договор был составлен. Согласно этому документу, нацистская Германия и СССР официально обязались не нападать друг на друга в течение десяти лет. Но главным был секретный протокол. Сталин согласился не вмешиваться в ситуацию при вторжении Гитлера в Польшу. Гитлер позволил СССР занять восточную треть Польши, а также прибалтийские республики: Латвию, Литву и Эстонию. Сталин также пообещал снабжать Германию зерном, нефтепродуктами, деревом, медью и марганцем для закалки стали².

Советско-германский пакт о ненападении был подписан 23 августа 1939 года. В Москве Сталин поднял тост за здоровье Гитлера. В Берлине трезвенник Гитлер позволил себе глоток шампанского и, как свидетельствуют, провозгласил: «Теперь Европа у меня в руках». Во время улыбок и тостов Сталин негромко сказал своему доверенному помощнику Хрущеву: «Я знаю, что затевает Гитлер. Он думает, что обманул меня, но на самом деле это я его обманул». Новость о заключении пакта поразила западных союзников. «Ужасная новость прогремела над миром, подобно взрыву», – написал Черчилль. И все же он полагал, что советско-нацистское партнерство обречено. «Я был по-прежнему уверен в глубокой и, как я полагал, неустрашимой враждебности между Россией и Германией, – писал Черчилль, – и цеплялся за надежду, что обстоятельства вынудят СССР перейти на нашу сторону». Свою позицию он подтвердил в радиовыступлении, произнеся слова, которые вошли в историю: «Я не могу предугадать действия России. Это головоломка, завернутая в тайну, которая кроется в загадке. Но, возможно, к ней есть ключ. И ключ этот – национальные интересы России». Впрочем, даже Черчилль не подозревал, как быстро и резко соглашению Гитлера и Сталина придет конец.

Вскоре после подписания пакта Германия вторглась в Польшу. Как Гитлер и ожидал, Великобритания и Франция поспешно объявили Германии войну. Сталин вошел в Восточную Польшу и Прибалтику. Он считал, что последняя послужит буфером, когда Германия все же нападет на СССР.

В июне 1940 года Сталин испытал потрясение, когда Германия всего за шесть недель завоевала Францию и вытеснила британскую армию с континента через Дюнкерк. Узнавая о поражениях союзников, советский лидер «ругался, как извозчик». Неожиданно армия

² Партнерство нацистов и СССР не ограничивалось разделом территории другого государства и поставкой немцам советского сырья. Советские суда предоставляли прогноз погоды немецким бомбардировщикам, терроризировавшим Великобританию.

нацистской Германии оказалась свободна для новых кампаний. К середине июня 1941 года немецкие войска стали сосредотачиваться на советской границе. Сталин не придавал значения предупреждениям о неминуемом вторжении немцев. Он полагал, что Гитлер слишком умен для того, чтобы нападать на СССР всего за несколько месяцев до зимы, ведь для Наполеона в 1812 году это обернулось катастрофой. В последние часы перед вторжением Сталин получил два шанса изменить ситуацию. Сначала молодой немецкий офицер пересек границу и передал советским пограничникам планы вторжения, надеясь их предупредить. Сталин приказал расстрелять его как провокатора. Затем два генерала из близкого окружения Сталина убедили его оповестить войска на границе о возможном нападении. К тому времени, однако, было уже слишком поздно: немецкие диверсанты перерезали линии связи.

За час до рассвета в воскресенье, 22 июня 1941 года, Гитлер отправил 3 млн немецких солдат штурмовать советскую границу на всем протяжении: от арктической тундры до кавказских степей. Вторжение, получившее кодовое название «операция "Барбаросса"», было крупнейшим в истории. Протяженность нового – Восточного – фронта составила более 2500 км, что примерно соответствует расстоянию от Нью-Йорка до Нового Орлеана. Предрассветные немецкие бомбардировки уничтожили 1200 советских самолетов, фактически лишив Сталина авиации и оставив наземные силы беззащитными перед натиском вражеских летчиков. Красная армия отступала по всей линии фронта или вовсе спасалась бегством. Десятки тысяч советских солдат дезертировали, а сотни тысяч сдались в плен³. Первые немецкие бомбы упали на Москву 21 июля 1941 года – с начала вторжения прошло меньше месяца. Сталин приказал убрать из Мавзолея мумифицированное тело Ленина и быстро эвакуировать его из столицы в рефрижераторном вагоне. Большой театр и Московский театр кукол были заминированы, чтобы в случае необходимости взорвать их. Сталин составил план собственной эвакуации из Москвы, но так и не уехал. Неподалеку от Москвы нацисты заняли имение Льва Толстого и сжигали тела погибших у могилы великого писателя. Немецкий мотоциклетный отряд устроил гараж в доме композитора Петра Чайковского. Вскоре вражеские армии оказались на расстоянии вытянутой руки от Москвы и Ленинграда. Гитлер приказал войскам не захватывать эти города, а сровнять их с землей.

Узнав о вторжении 22 июня, Черчилль написал Сталину, предложив помощь со стороны Великобритании⁴. Ситуация была неловкой, ведь в 1919 году, призывая к военной кампании против большевиков, он сравнивал коммунизм с «мерзким обезьянником» и бубонной чумой. Теперь, однако, Черчилль понимал, что альянс с СССР может помочь спасти Великобританию и одержать победу над Гитлером. «Никто на протяжении последних двадцати пяти лет не противостоял коммунизму последовательнее меня, – сказал Черчилль, выступая по радио после начала операции «Барбаросса». – Я не отказываюсь от своих слов. Но все это меркнет в сравнении с происходящим в настоящий момент». Он заявил, что Великобритания должна сделать все возможное, чтобы помочь СССР. Британский премьер действовал в соответствии с санскритской пословицей IV века до н. э.: «Враг моего врага – мой друг».

Сталин попросил Черчилля высадить во Франции морские десанты и открыть в Западной Европе второй фронт, чтобы тем самым вынудить Гитлера разделить войска. Черчилль счел это невозможным. Британская армия еще не пришла в себя после того, как ее выдавили из Франции и она бросила большую часть тяжелого вооружения при отступлении к Дюнкерку. Нацисты укрепляли французское побережье бункерами, дотами, минами, пулеметными гнездами, колючей проволокой, строили подводные заграждения. Черчилль написал Сталину, что британцы не могут вторгнуться во Францию, не потерпев «жестокого поражения».

³ На Южном и Северном фронтах в первые дни войны обстановка оставалась стабильной, в отличие от Западного фронта, где в тот момент шли ожесточенные бои. – *Прим. науч. ред.*

⁴ Первое письмо Черчилля было получено Сталиным 8 июля 1941 г. – *Прим. науч. ред.*

Но советские войска терпели жестокие поражения каждый день. Сталин, кажется, не понимал, почему западные лидеры остерегаются больших потерь, и не испытывал угрызений совести, проливая кровь красноармейцев. Он приказывал идти в самоубийственные контрнаступления и корил генералов за провалы. Он требовал, чтобы войска в безнадежной ситуации удерживали позиции ценой жизни и свободы сотен тысяч человек. Только под Киевом в плен попали 452 700 советских солдат, которым Сталин не позволил отступить. Ему не приходилось оправдывать свои решения перед кем бы то ни было.

В первой переписке Сталин и Черчилль проявили любезность по отношению друг к другу. Никто из них не стал упоминать о соглашении между СССР и Германией. Но в конце концов они обмениваются резкими словами по вопросу об открытии второго фронта и отправке конвоя PQ-17.

Отношения Сталина и Черчилля осложнились еще больше, когда на сцену вышел американский президент Франклин Рузвельт. Рузвельта давно интересовал СССР. В 1933 году на волне успеха после введения «Нового курса» он впервые официально признал Советское государство вопреки политике администрации четырех предыдущих президентов. Запад мало знал об ужасах сталинского режима. Американская пресса, в частности газета *The New York Times* и журнал *Life*, рисовала обманчиво идиллические картины советской жизни. Даже в 1943 году в опубликованной в *Life* статье НКВД называли национальным полицейским агентством, «подобным ФБР». Многие американцы по-прежнему надеялись, что сталинский режим в итоге станет более демократичным, чем тирания самодержавия. Рузвельт входил в число оптимистов.

Несмотря на официальный нейтралитет США, он нашел способы помогать Великобритании в борьбе с Германией. В частности, отправлял в Британию конвои с военным снаряжением согласно закону о ленд-лизе 1941 года. Закон позволял президенту посылать вооружение и другие грузы военного назначения «правительству любой страны, оборону которой президент считает жизненно важной для безопасности США». Официально все поставки осуществлялись в рамках займов. Как известно, Рузвельт сравнил программу ленд-лиза с готовностью одолжить шланг соседу, у которого горит дом: хотя предполагается, что сосед в конце концов вернет шланг, непосредственно сейчас это не имеет значения. Рузвельт был готов включить в программу и Советский Союз, но сначала хотел удостовериться, что его положение не безнадежно и помощь ему не станет пустой тратой сил и средств. В июле 1941 года, примерно через месяц после нападения Германии на СССР, американский президент отправил в Москву своего соратника Гарри Гопкинса, поручив ему оценить, каковы шансы Советского государства на победу. Рузвельт вручил Гопкинсу адресованное Сталину письмо, в котором хвалил «отчаянное сопротивление [Красной армии] вероломной агрессии гитлеровской Германии» и предлагал помощь от лица Америки. Это было первое из трехсот с лишним писем, которыми впоследствии обменялись Рузвельт и Сталин.

Сталин демонстрировал такую уверенность, что Гопкинс счел СССР ценным союзником. Одни только размеры государства делали его грозным противником: казалось, эта огромная территория может поглотить любого неприятеля, как поглотила она войска Наполеона, а численность ее населения позволяла призвать в армию 12 млн человек. Воодушевленный отчетом Гопкинса об оборонной мощи СССР, Рузвельт сократил планы по мобилизации американских войск, решив сформировать не 215, а 90 дивизий.

И все же позиция СССР продолжала вызывать у мировых лидеров сомнения. Из разведанных Рузвельт и Черчилль узнали, что Сталин тайно изучает возможность заключения нового мирного договора с Гитлером при пособничестве болгарских дипломатов. В конце августа 1941 года Рузвельт и Черчилль написали совместное письмо, в котором пообещали Сталину, что конвоями отправят огромный груз военной помощи в порты Мурманска и Архан-

гельска⁵. Они хотели доказать советскому лидеру, что выгоднее заключить союз с ними, а не с Гитлером.

Когда Америка только вступала во Вторую мировую войну, Рузвельт уже размышлял о послевоенном мире, где США и СССР станут сверхдержавами. Он хотел укрепить личные отношения со Сталиным, чтобы свести к минимуму конфликт, который мог возникнуть после поражения Германии. Рузвельт отличался исключительным обаянием и полагал, что скорее сумеет расположить к себе Сталина без вмешательства бесцеремонного, антикоммунистически настроенного Черчилля. Он написал Черчиллю: «Я знаю, что Вас не покоробит моя предельная откровенность, если я скажу, что, по моему мнению, лично я смогу вести дела со Сталиным лучше, чем любой чиновник вашего Министерства иностранных дел и моего Госдепартамента. Сталин на дух не переносит всех ваших руководителей. Кажется, я нравлюсь ему больше, и надеюсь, так будет и дальше». Рузвельт полагал, что первым шагом к завоеванию доверия Сталина станет обеспечение СССР всеми необходимыми военными ресурсами, причем сделать это нужно было, не прося ничего взамен. Арктические конвои стали оливковой ветвью Рузвельта.

Не все американцы разделяли стремление своего президента поддержать Сталина. Консервативная газета *Chicago Tribune* называла советского лидера «Кровавым Джо». Бывший президент Герберт Гувер заявил: «Теперь мы обещаем помогать Сталину и его военному заговору против демократических идеалов. <...> Если мы пойдем дальше, вступим в войну и победим, то тем самым выиграем для Сталина власть коммунизма над Россией и больше возможностей для его распространения в мире».

Рузвельт пытался смягчить представления американцев о Советском государстве. Он называл его граждан борцами за свободу, а в одной речи отметил, что они имеют свободу вероисповедания, хотя на самом деле религия была объявлена в СССР вне закона, священников убивали или сажали в тюрьмы, а тысячи церквей были разрушены либо превращены в амбары, склады, свинарники⁶. «Кровавый Джо» стал добродушным «дядюшкой Джо». Черчилль назвал партнерство США, Великобритании и СССР «Великим альянсом», однако этот союз был не столько великим, сколько сугубо прагматическим. На самом деле он представлял собой сделку с дьяволом, обреченную на провал после победы над Германией. Вопрос был в том, продержится ли альянс хотя бы до этого момента.

29 сентября 1941 года Рузвельт написал советскому вождю очередное письмо, на этот раз начав его с обращения «Уважаемый господин Сталин». Президент снова похвалил Красную армию и заверил Сталина, что «будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимые для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный». Через две недели Рузвельт отправил Сталину длинный список военных припасов и техники, переправляемых в СССР с конвоями, в который вошли 167 танков, 100 бомбардировщиков, 100 новых истребителей, 5500 грузовиков и внушительное количество колючей проволоки. «Все прочие обещанные военные материалы... поспешно собираются для погрузки на корабли, – добавил президент. – Три судна вышли из США вчера и направляются в российские порты. Предпринимаются все усилия для скорейшей отправки остальных грузов». Закончив послание Сталину, Рузвельт написал резкую записку в адрес чиновника, руководившего отправкой военных грузов в Советский Союз:

⁵ Это письмо было получено Сталиным 15 августа 1941 г. В нем Рузвельт и Черчилль не только обещали СССР поставки военных грузов, но и предложили созвать трехстороннюю конференцию, на которой союзники смогли бы определить необходимые объемы этой помощи. Такая конференция прошла в Москве в сентябре 1941-го, и на ней был подписан Первый протокол союзнических поставок для советской стороны. – *Прим. науч. ред.*

⁶ Голливуд присоединился к кампании по реабилитации образа СССР в США, выпуская такие фильмы, как «Дни славы», где Грегори Пек играл советского «борца за свободу», который вместе с прекрасной русской женщиной сражался с нацистами.

Прошло почти шесть недель с начала войны в России, а... мы не сделали почти ничего, чтобы отправить запрошенные ими грузы. <...> Честно говоря, будь я русским, я решил бы, что США меня обманывают. Прошу вас, достаньте список, и прошу, пользуясь моим авторитетом, действуйте жестко – встаньте у всех как кость в горле, но сдвиньте дело с мертвой точки. <...> Приступайте! – Ф. Д. Р.

Сталин ответил на письмо Рузвельта, поблагодарив его, но также подчеркнув, что американскому президенту стоит поторопиться. Гитлер бросил все силы на борьбу с Красной армией, пытаясь уничтожить ее, пока зимние холода и снег не вынудят его приостановить наступление. Как подчеркнул Сталин, советские люди приносили «тяжелые жертвы». Казалось, про себя он добавил: «... в отличие от американцев».

К декабрю 1941 года, когда японцы напали на Перл-Харбор, Красная армия единственная в Европе противостояла Гитлеру. СССР проигрывал по всем параметрам. Более 2,6 млн советских солдат уже погибли в боях, что в 20 раз превышало немецкие потери, а еще 3 млн оказались в плену, где их ждал расстрел или смерть в концлагере. Гитлеровские армии захватили треть Советского Союза.

В блокадном Ленинграде, где не хватало продовольствия и топлива, каждый день умирало по 4000–5000 человек. «Сама прозекторская полна, – записала одна ленинградка в своем дневнике 26 декабря 1941 года. – Не хватает грузовиков для кладбища – не столько даже грузовиков, сколько бензина. И главное – так мало сил у живых, чтобы хоронить мертвых».

Пройдет еще целый год, прежде чем американские войска сойдутся с немецкими на поле боя. До тех пор на передовой американской войны против нацистской Германии будут сражаться арктические конвои, такие как PQ-17, составленные из ржавых корыт вроде «Трубадура», где матросы, пока немцев не было рядом, так и норовили вступить в бой друг с другом.

Глава 2

Дьявольская зелень

В Хваль-фьорде «Трубадур» был не единственным судном с воинственно настроенным экипажем. Вечером 18 мая 1942 года лейтенант Уильям Картер, командир военной команды американского транспорта «Айронклэд», проводил регулярный осмотр судна. Он решил подождать на сходнях возвращения двух подчиненных из караула. Караульные задерживались, но Картер не видел повода для беспокойства. Он прикурил сигарету и осмотрелся. К 11 часам вечера уже стемнело, но прожектор над сходнями осветил воду – и Картер заметил, как что-то проплывает мимо. Это был пустой ящик светлого дерева с нарисованной на нем лошадью, Картер тотчас узнал его.

Двумя месяцами ранее, когда «Айронклэд» шел вдоль восточного побережья США к Исландии, представители американского консульства в Новой Шотландии поднялись на борт в Галифаксе. С собой у них было несколько ящиков шотландского виски «Уайт Хорс», предназначенного для американского посольства в Москве. Виски погрузили на «Айронклэд», соблюдая такой уровень секретности, которого обычно достаиваются лишь планы военных действий. О появлении виски на борту знали только капитан «Айронклэда», старший помощник и Картер. Всю остальную команду во время тайной погрузки под каким-то предлогом собрали на корме. Ящики разместили в переднем правом углу первого грузового трюма. Единственный ключ доверили старшему помощнику. Казалось, были приняты все меры предосторожности, но 20 апреля случилось непредвиденное.

В тот день «Айронклэд» вышел из Хваль-фьорда в Советский Союз в составе конвоя RQ-14, состоявшего из 25 торговых судов, но заблудился в густом тумане и столкнулся с шербатым осколком плавучей льдины. Транспорту пришлось вернуться в Хваль-фьорд с метровой пробоиной в корпусе чуть ниже ватерлинии – как раз напротив грузового трюма, где были спрятаны ящики с виски. Рабочей бригаде из нескольких матросов «Айронклэда» поручили передвинуть груз, чтобы сварщики смогли залатать пробоину. Очевидно, матросы обнаружили виски и сообщили о своем открытии остальным.

Картер поспешил в трюм, и его опасения подтвердились. Воры даже не удосужились закрыть вход в отсек. Из кают-компании доносился «громкий шум попойки». Картер не удивился. Как и Говард Каррауэй с «Трубадура», он считал служивших на его судне матросов торгового флота людьми ненадежными и не заслуживающими доверия.

24-летний Уильям Картер – ровесник «Айронклэда» – был умен, амбициозен и весьма уверен в себе. Он вырос в глубинке на восточном побережье Мэриленда в семье железнодорожного рабочего, с отличием окончил колледж Сент-Джонс, небольшую частную школу с гуманитарным уклоном в Аннаполисе, неподалеку от Военно-морской академии США, и мечтал о карьере предпринимателя. Картер рассчитывал в начале 1941 года поступить в Гарвардскую школу бизнеса, но, услышав о войне в Европе, решил пойти добровольцем в армию. Как и Джим Норт, он хотел стать летчиком, но не прошел проверку зрения, в результате чего оказался в программе подготовки офицеров резерва военно-морского флота. Один из инструкторов в Военно-морской академии подсказал, что зачисление в Службу вооружений морского транспорта позволит ему сразу стать самостоятельным командиром, хотя командовать придется маленьким и неопытным орудийным расчетом, отвечающим за оборону торгового судна. Картер ухватился за возможность быстрее продвинуться по службе. Получив временное назначение в Нью-Лондон в штате Коннектикут, он сходил на свидание вслепую и познакомился со студенткой Энн Уитмор. Вскоре Картер сделал Энн предложение, и она согласилась выйти

за него замуж, но свадьбу решили отложить до возвращения жениха с войны. Казалось, у Картера все шло по плану, пока он не поднялся на борт «Айронклэда».

8675-тонный «Айронклэд» не раз менял владельцев, которые давали ему все новые имена – «Мистик», «Манмистик» и «Ибервиль» – и использовали в качестве трампа⁷, перевозя любые грузы на любые расстояния по договору агентов с клиентами. На нем доставляли аммиак, бензин, хромовую руду, вагонные сцепки и козью шерсть. Судно ходило в Египет, Австралию, Португальскую Восточную Африку и на Филиппины. Советский Союз, пожалуй, оставался одним из немногих мест, где еще не видели «Айронклэд». Но был ли транспорт достаточно надежным, чтобы добраться туда и вернуться обратно? Ходившие на «Айронклэде» моряки называли его ржавой посудиной. «Мы шутили, что немцы не станут тратить на него дорогие торпеды, – писал бывший член команды С. Дж. Флаэрти. – Не думайте, впрочем, что это судно не любили, ведь любить можно и то, что вызывает жалость».

Возраст «Айронклэда» не помешал Управлению военных поставок США набить его под завязку. Помимо виски «Уайт Хорс», он вез боеприпасы, алюминий, сталь, топливо, медную проволоку, асбест и химикаты, включая фосфор и цинк, а также продовольствие, жир, соль, шинели, обувь, брезент и кожу. На главной палубе стальными тросами были закреплены три американских истребителя, несколько американских танков и партия грузовиков. Одного этого было достаточно, чтобы Красная армия могла начать небольшое наступление. Но при этом корабль был вооружен еще легче «Трубадура»: на нем установили единственную 3-дюймовую 50-калиберную пушку, два пулемета 50-го калибра и два пулемета 30-го калибра. Как пренебрежительно отметил Картер, последние были «помощнее пневматики, но ненамного». В Хваль-фьорде лейтенант занимался в основном тем, что пытался получить боеприпасы и прочее, что было необходимо, для оружейного расчета. Картер начинал догадываться, что ВМС США, от которых он так много ждал, были «той еще шарашкиной конторой».

Командовали «Айронклэдом» бывалый капитан Филлип Мур из Уэлдона, что в штате Северная Каролина, и опытные офицеры. Благодаря надбавкам, предложенным американским и советским правительствами, Мур сумел нанять в команду нескольких умелых матросов, но вынужден был взять также всяких лентяев и смутьянов – «отбросы балтиморских профсоюзов», как выразился Картер. В каждом порту, куда «Айронклэд» заходил по дороге в Хваль-фьорд, несколько человек дезертировали с судна, а на их место брали лучших из тех, кого удавалось найти в столь короткие сроки. В число самых неисправимых входил пьяница и бывший профессиональный боксер, которого все звали Малышом.

Картер заподозрил, что именно Малыш организовал кражу виски. Прежде чем расспрашивать пьяных матросов, лейтенант решил разыскать двух пропавших часовых вооруженной охраны, у которых, как и у него, были пистолеты «кольт» 45-го калибра. К большой досаде, он обнаружил караульных в койках – оба были так пьяны, что едва ворочали языками. Картер сообщил об этом капитану, который со злости объявил инцидент мятежом. На мятежи из книжек это не походило, но технически ситуация соответствовала определению «бунт против дисциплины или старшего по званию». Капитан отправил Картера и крепкого первого помощника положить конец вечеринке. Когда они пришли, от виски уже не осталось и следа, а кутили «лыка не вязали и готовы были разойтись», свидетельствовал Картер. Первый помощник назвал матросов изменниками, объявил, что отныне они находятся под арестом, и приказал всем возвращаться в каюты и ждать суда. Все безропотно повиновались, но только не Малыш. Он схватился за стальной трос, не дав утащить себя в каюту. Пошел холодный дождь. Картер приковал Малыша наручниками к столу и оставил в кают-компани. Мятеж был подавлен. С соседнего линкора «Вашингтон» на «Айронклэд» отправили группу морских пехотинцев, которые заключили 30 мающихся от похмелья мятежников под стражу. Четверых – но не

⁷ Нерейсовое судно. – *Прим. ред.*

Мальша – признали зачинщиками и сняли с судна, а на их место приняли исландских матросов. Напившихся часовых разжаловали, и одному из них Картер нашел замену. Другой остался на судне только потому, что ему замены не сыскалось.

Хотя Картер злился на «мятежников» с «Айронклэда», он не мог не проникнуться к ним сочувствием. Недели ожидания в Исландии тянулись бесконечно. Местные власти были не рады морякам торгового флота, которые совершали слишком много проступков, к примеру разоряли гагачьи гнезда и кидались друг в друга яйцами. Им запретили сходить на берег. Транспорты стояли на рейде, а моряки на них были сыты по горло играми в карты и в «Монополию». Некоторые начали играть друг с другом в прятки. В отсутствие важных дел им поручали выполнять бессмысленную работу, например счищать ржавчину. Военные моряки хотя бы могли вечером сойти на берег и посетить соседний Рейкьявик – поужинать, выпить, приударить за исландскими девушками. Впрочем, вскоре и это потеряло прелесть. Большинство американцев уже тошнило от Исландии, которую союзники оккупировали в 1940 году, чтобы она не досталась немцам⁸. Хуже холода и скуки была только мысль, отделаться от которой не удавалось, – что впереди их ждет Мурманский маршрут.

* * *

Мурманский маршрут был одним из трех возможных путей поставок в СССР. Каждый был сопряжен с серьезными трудностями. Самым коротким являлся Тихоокеанский, с Аляски во Владивосток, но в этих водах американские и британские суда подстерегали японцы. Второй маршрут пролегал по южной части Атлантического океана в обход мыса Доброй Надежды, затем – на север по Индийскому океану и по Персидскому заливу до иракского порта Басра. Но длина этого маршрута в обе стороны составляла 25 000 км, и плавание занимало четыре месяца. Моряки ненавидели Персидский залив, где температура воздуха превышала 40 °С, а теплая, как в ванне, вода кишела черно-желтыми морскими змеями, извивающиеся клубки которых приходилось снимать с якорных цепей. Похожие на грозовые тучи песчаные бури собирались на горизонте и обрушивались на суда со свистящим ревом, сбрасывая столько песка, что командам приходилось лопатами сгребать его с палуб. В порту Басры британские солдаты в форме цвета хаки подгоняли несчастных иракских рабочих в лохмотьях. Прибывающий в Басру груз приходилось по железной дороге везти на линию фронта, преодолевая еще полторы тысячи километров по иракской пустыне и советским степям. Сталин предпочитал, чтобы поставки осуществлялись по арктическому маршруту через порты Мурманска и Архангельска. Однако этот маршрут был сложен и опасен.

Конвои на север России отправлялись из исландского Хваль-фьорда или с побережья Шотландии, из Лох-Ю. Хваль-фьорд отделяло от Мурманска около 2775 км, и при оптимальных условиях плавание занимало восемь дней. Расстояние до Архангельска составляло 3460 км, и корабли шли десять дней. Маршрут конвоя из Хваль-фьорда сначала пролегал на север, а затем на восток через Датский пролив, беспокойные воды которого разделяли Исландию и Гренландию. Выйдя из пролива, конвой направлялся на восток по Норвежскому морю, проходил 950 км по краю полярных льдов до Ян-Майена, одинокого заснеженного базальтового острова, знаменитого самым северным действующим вулканом в мире. Миновав Ян-Майен, нужно было еще 950 км идти на восток до скалистого острова Медвежий, откуда начинался самый опасный отрезок маршрута: когда конвои оказывались к востоку от него, они попадали в радиус действия немецких бомбардировщиков, из которого не выходили весь остаток пути в СССР.

⁸ В 1940 г. Исландия была взята под контроль Вооруженными силами Великобритании. Американские военные появились там в 1941-м. – *Прим. науч. ред.*

Оставив позади остров, конвой шел на восток, а затем спускался на 650 км южнее, по Баренцеву морю к Мурманскому берегу, куда выходит устье длинного фьорда, называемого Кольским заливом. На берегу залива, в десяти километрах от устья, и стоит Мурманск. Корабли, идущие в Архангельск, миновали залив и преодолевали еще более 650 км на юго-восток по огромному Белому морю, со всех сторон окруженному сушей. Архангельск находится в широкой илистой дельте Северной Двины.

Баренцево море круглый год открыто для судоходства, поскольку в нем заканчивается теплое течение Гольфстрим. Но тепло делает его одним из самых неприятных морей в мире. Над Баренцевым теплый воздух, переносимый Гольфстримом, постоянно сталкивается с холодным воздухом с Северного полюса, а затем под действием вращения Земли закручивается в огромные циклоны: они вызывают штормы, во время которых поднимаются высокие крутые волны. Корабли взмывают на эти волны, шатко висят на гребнях, пока винты крутятся в воздухе, а затем соскальзывают в глубокие ложбины, видя следующие волны впереди. Пассажир торгового судна так описал арктический шторм:

Сначала по нам просто били серые толщи воды, но через час стало казаться, что наша дорога загибается и обрушивается на нас. Конвой рассеялся. Приказа не было: [суда] просто разметало. Гигантские водяные стены ограничивали нашу видимость от силы сотней метров, а бурлящая пена с гребней волн наполняла воздух влагой, словно шел дождь со снегом.

Моряк, впервые оказавшийся в Баренцевом море, сказал, что ветер завывал, «как женщина, визжащая от ужаса, пока ее насилюют или убивают», и это продолжалось часами. Корабельным офицерам приходилось выкрикивать приказы прямо в уши матросам или использовать язык жестов. Средняя температура воздуха колебалась в районе -17°C , но могла быстро упасть до -40°C . При такой температуре больно было даже дышать, бороды смерзались в удрушающие ледяные маски, ресницы выпадали, а волосы в носу превращались в острые иголки. Прикоснувшись к металлу голыми руками, человек обжигался, а порой оставлял на нем куски примерзшей кожи.

Брызги воды застывали в воздухе, и суда становились похожи на ледяные скульптуры. Орудия и иллюминаторы замерзали наглухо. На верхних палубах лед скапливался так быстро, что матросам приходилось постоянно рубить его топорами и молотами, чтобы не возник опасный перевес. Команда одного американского транспорта утверждала, что за время плавания члены экипажа очистили судно от 150 тонн льда. Британский корабль эскорта, потеряв от накопившегося льда устойчивость, перевернулся и затонул. Спаситься не удалось никому.

Коротким арктическим летом штормы случались нечасто, но опасность сохранялась всегда. Обычно море оставалось спокойным, как пруд для уток, а в небе ослепительно сияло солнце. Арктика выглядела совершенно иначе, но людям в конвоях она вовсе не казалась гостеприимной. Даже на пике лета температура воды не превышала 4°C , а этого достаточно, чтобы обездвижить человека за 10 минут и убить за 20–30. Конвой шли вдоль кромки полярного скопления дрейфующего льда, которое было крайне нестабильным. Одни льдины раскалывались с оглушительным треском, другие с сокрушительной силой сталкивались. На маршрутах конвоев попадались недавно оторвавшиеся от гренландских ледников айсберги. В отличие от дрейфующего льда, они состояли из пресной воды, представляя, по сути своей, глубокие снега, затвердевшие под давлением. Крупный айсберг весит до 10 млн тонн и возвышается на 150 м, но основная его часть скрывается под водой. Не менее опасными, хоть и не такими впечатляющими были небольшие обломки айсбергов, глубже погруженные в воду, а потому плохо заметные вперёдсмотрящим. Обломки айсбергов размером с рояль ударялись о корпуса кораблей, царапая их, и напоминали морякам, что в арктических водах надо всегда быть начеку.

«Руководство для моряков» предупреждало: «При плавании во льдах не предназначенное для этого судно рискует получить следующие повреждения: деформация или поломка гребных валов, поломка лопастей или потеря винтов, деформация или поломка баллера руля или руля, повреждение рулевого механизма, повреждение кормы и листовой обшивки, сдавливание корпуса и поломка шпангоутов под давлением льда, деформация обшивки и выпадение заклепок». Чтобы подготовить «Трубадур» и другие суда к арктическому плаванию, союзники укрепили носы кораблей бетоном и заменили бронзовые винты более крепкими стальными.

Коварная Арктика не оставляла морякам права на ошибку. Когда холодные талые воды смешивались с теплыми водами Гольфстрима, в толще воды возникали термальные слои, которые сбивали с толку гидролокаторы, затрудняя обнаружение подводных лодок. Также при смешении холодной и теплой воды образовывались полосы густого клубящегося тумана, который не рассеивался по несколько дней кряду. Туман скрывал конвои от немцев, но также скрывал айсберги и другие опасности от вперёдсмотрящих, а солнце – от штурманов, которые пытались скорректировать местоположение корабля. Магнитные компасы штурманам в этих широтах не помогали. Кроме того, в Арктике наблюдались сложные миражи. Когда в атмосфере над поверхностью воды формируются несколько слоев разной температуры, солнечные лучи, проходя через них, сильно преломляются, и возникают странные эффекты. Объекты на горизонте казались морякам невозможно большими, искаженными и даже перевернутыми вверх ногами. Так, длинная пологая коса могла напоминать скалистый утес, нависающий над морем. Особенно жестоко арктические миражи обманывали полузамерзших жертв кораблекрушений, которые, сидя в шлюпках, силились разглядеть на горизонте сушу.

Но больше всего жизнь в Арктике осложняло отсутствие границы между днем и ночью. Из-за наклона земной оси весной и летом северные широты поворачиваются к солнцу, что делает длиннее дни, а зимой – от солнца, что удлиняет ночи. Границы Северного полярного круга не обязательно отражают реальную ситуацию. Одни регионы внутри Полярного круга отличаются относительно умеренным климатом, который объясняется локальными факторами, в то время как в других стоит ужасный холод. На большей части территории к северу от Северного полярного круга – воображаемой линии на $66^{\circ} 33' 44''$ северной широты – солнце в разгар лета не садится, а в разгар зимы не встает. Британский капитан торгового флота так описал меняющийся баланс света и тьмы в Баренцевом море:

С февраля начинает быстро светлеть. В конце января день продолжается четыре часа. В конце февраля – восемь, в конце апреля – 20, в июле и августе – почти 24, причем солнце светит круглосуточно, ходя вдоль горизонта.

Некоторые американцы так и не смогли к этому привыкнуть. «Солнце светило дьявольской зеленью, – свидетельствовал американский матрос Дональд Мерфи. – Так все его описывали, этот дьявольский зеленый свет. Ничего более странного я не видывал – казалось, ты в другом мире. И было тяжело. Вот хочется тебе подняться с постели и выпить чашку кофе. Встаешь в три часа ночи. Господи, нельзя даже понять, девять вечера сейчас или девять утра!»

Однако при всех опасностях и коварстве Арктики главной угрозой для конвоя оставались немцы. Оккупировав Норвегию в 1940 году, Германия превратила норвежское побережье в хорошо укрепленный район базирования своих военно-воздушных и военно-морских сил – один журналист назвал его «арктическим Гибралтаром»⁹. Норвегия имеет одну из самых длинных в мире береговых линий, которая тянется более чем на 2500 км по прямой и охватывает более 25 000 км с учетом берегов всех фьордов, врезающихся в норвежскую землю, а также тысяч прибрежных островов. Немцы перебросили туда свои мощные военные корабли и десятки подводных лодок, чтобы организовать безопасную транспортировку швед-

⁹ Во время Второй мировой войны Гибралтар был важной стратегической точкой на Средиземноморье и служил военно-морской базой Британской империи в этом регионе. – *Прим. ред.*

ской железной руды, от которой зависела военная промышленность Германии, и чтобы напасть на конвои союзников в океане. Гитлер укреплял свои силы на норвежском побережье, ошибочно полагая, что британцы, которые запоздало попытались предотвратить захват Норвегии, вернутся и попытаются выдавить немцев. Он отводил Норвегии важнейшую роль в войне.

Самым грозным оружием немцев в этом регионе был гигантский линкор «Тирпиц» – мощнейший военный корабль в мире, младший брат более знаменитого «Бисмарк», который британцы ценой огромных усилий потопили в 1941 году. Как и «Бисмарк», «Тирпиц» представлял собой плавучую крепость длиной 250 м и водоизмещением 53 000 тонн. Команда линкора насчитывала больше 1900 человек. Огромный корабль щетинился орудиями, включая восемь грозных 15-дюймовых пушек. «Тирпиц» рассекал океан на скорости 30 узлов, втрое быстрее многих торговых судов. Линкор внушал такой ужас, что ему не нужно было даже покидать стоянку в норвежском Тронхейме, чтобы господствовать в войне на море. Британцы так опасались нападения «Тирпица» на конвои, идущие по Северной Атлантике или Арктике, что держали в полной боеготовности целый флот, лишь бы не допустить этого. В январе 1942 года Черчилль жаловался, что один «Тирпиц» сковывает вчетверо больше британских линкоров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.